

УДК 903.59

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.436.445>

КУЛАЙСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В ЛОДКЕ НА БАРСОВОЙ ГОРЕ

© 2022 г. Ю.П. Чемякин

Публикуются материалы одного из погребений могильника раннего железного века, открытого недалеко от г. Сургута. Оно было совершено в лодке. По количеству положенных вещей это вторая по богатству могила на памятнике. Погребальный инвентарь в ней представлен украшениями, фрагментами блях, зеркал и пластин из цветного металла, в том числе с гравировками, деревянными фигурками, железным изделием в костяной рукояти, сосудом. Памятник относится к кулайской культуре и датируется началом I тыс. н. э. Дан обзор могильников и погребальных комплексов кулайской культуры в Сургутском Приобье и прилегающих регионах. Показаны разнообразие погребального обряда, его вероятная связь с социальной структурой общества. Оригинальность Барсовского VII могильника выражается в наличии погребений в лодках, а также в большом количестве культовых предметов. Высказано предположение, что здесь могли хоронить служителей культа (шаманов).

Ключевые слова: археология, кулайская культура, погребальный обряд, Сургутское Приобье.

KULAI BURIAL IN A BOAT ON BARSOVA GORA

Yu.P. Chemyakin

The materials of one of the burials of the early Iron Age burial ground, discovered near Surgut, are published in the paper. It was performed in a boat. This is the second grave at the site in terms of the number of items inside. Its grave goods are represented by decorations, fragments of plaques, mirrors and plates made of non-ferrous metal, including engraved items, wooden figurines, an iron product in a bone handle, and a vessel. The site belongs to the Kulai culture and dates back to the beginning of the 1st Millennium AD. An overview of burial grounds and burial complexes of the Kulai culture in the Surgut Ob River region and adjacent regions is provided. The author demonstrates the diversity of the burial rite, and its probable connection with the social structure of society. The originality of the Barsova Gora VII burial ground is expressed in the presence of burials in boats, as well as a large number of cult objects. It has been suggested that cult servants (shamans) could be buried at the site.

Keywords: archaeology, Kulai culture, burial rite, Surgut Ob River region.

В 1991 г. Сургутской археологической экспедицией Уральского государственного университета (УрГУ) под общим руководством Ю.П. Чемякина продолжались спасательные раскопки археологических памятников в зонах различных новостроек в урочище Барсова гора, расположенном в 8–15 км к западу от г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа (рис. 1: А). Группа Г.А. Степановой исследовала селище Барсова гора I/21 в зоне предполагаемого строительства деревообрабатывающего комбината. Памятник расположен в 0,85 км к ВСВ от поселка Барсово, на высоком, до 12–14 м, северном берегу протоки Утопляя, представляющей собой вторую надпойменную террасу правого коренного берега р. Оби. Терраса имеет слабый уклон к югу и неровную поверхность, изрезанную небольшими, высотой до 2 м, возвышениями в виде продолговатых грив, с плавными переходами к низинам. На одной из таких грив, вытянутых перпендикулярно краю террасы, при аварийных раскопках селища Барсова гора I/21 и был обнаружен могильник (Чемя-

кин, Степанова, 1994) (рис. 1: Б). Площадка, на которой находились оба памятника, удалена от края террасы на 70 м.

Селище Барсова гора I/21 было выявлено разведочной группой Уральской археологической экспедиции (УАЭ) УрГУ под руководством В.Ф. Кернер в 1974 г. и фигурировало в ее отчете как селище Барсова гора I/2 (Кернер, 1975). На поверхности оно хорошо фиксировалось по группе из 10–11 приподнятых площадок округлой или овальной формы, окруженных по периметру ямами различных конфигураций. Общая площадь селища составляла около 5000 м². Площадка памятника была частично разрушена траншеей со следами разворота трактора, навалом, образовавшимся при прокладке автодороги, выворотнями от упавших деревьев и бороздами, проложенными во время тушения пожара. Ее сохранившаяся часть была покрыта мхом, брусничником и заросла сосновым лесом со следами пожара. На поверхности могильник не прослеживался: западения от погребений либо сливались с внешними ямами вокруг

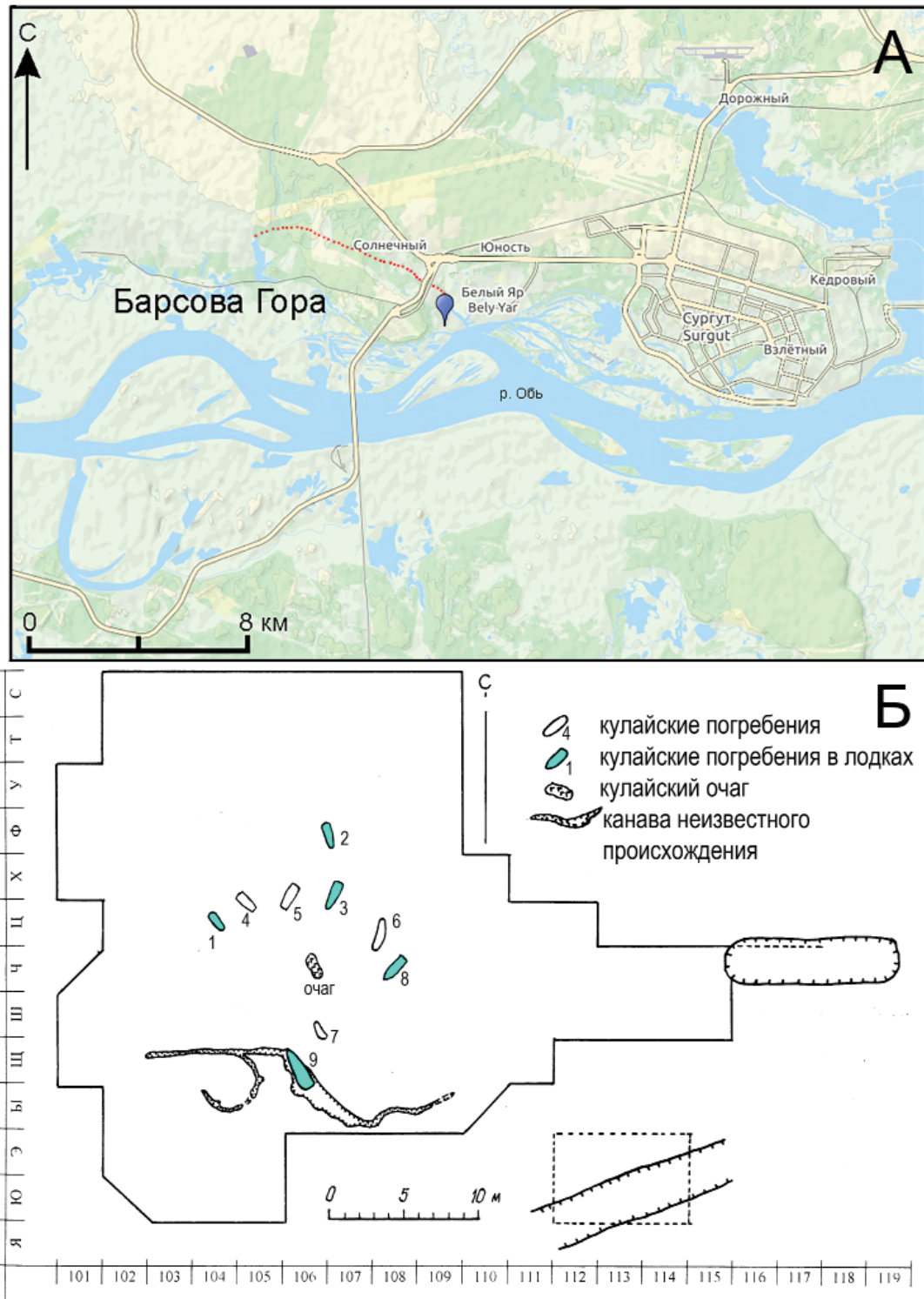

Рис. 1. А – схема расположения Барсовой горы; Б – план могильника Барсовский VII.
 Fig. 1. А – layout of the Barsovaya Gora; Б – plan of the Barsovsky VII burial ground.

приподнятых площадок, возникших на месте остатков жилищ селища, либо вообще не фиксировались.

В 1991 г. Г.А. Степановой при раскопках селища были выявлены и исследованы 5 погребений кулайской культуры. Одно из них (№ 2) было пустым. В 1992 г. Ю.П. Чемякиным были завершены раскопки кулайского жилища 5 на селище Барсова гора I/21, при

этом доисследовано погребение 5. В 1996 г. поиск новых погребений явился основной целью полевых работ. Всего же за 4 полевых сезона (включая 1998 г.) на площади 960 м² обнаружено 9 погребений, в шести могилах сохранились остатки скелетов, а пять, предположительно, были совершены в лодках. Среди них выделялось своими четкими прямыми контурами погребение 8.

Погребение 8 (уч. Ч/108, раскоп IV, рис. 2). Пятно подзола над ним было обнаружено при зачистке на дороге, сразу после снятия спрессованного и перемешанного слоя на глубине -174–175 см. Очертания могильной ямы зафиксированы на уровнях -186 (в северо-восточном конце) – -188 см (в юго-западном). Она имела форму лодки с обрезанной кормой, в плане представляла собой вытянутое пятно подзола (посередине), окаймленное темно-желтым влажным песком с прерывистой желто-серой каймой по периметру. Размер ямы 2,34×0,44 м, она ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На глубине -187 см в ее северо-восточном конце были выявлены остатки черепа (рис. 2: А; рис. 3: 2), за затылочной частью которого на уровне -188 см найдена бронзовая пластинка (рис. 2: 1; рис. 4: 23). На глубине -189 см яма имела размер 2,33×0,47 м, ту же форму лодки и была заполнена серо-желтым песком с серыми пятнами и вкраплениями угольков. Посередине вдоль длинной оси сохранялась узкая полоса подзола. Северо-восточный конец (за черепом и выявленным на этой же глубине сосудом) имел чисто желтое заполнение, более темное и влажное, чем материк. В «носовой» части выделялось пятно ортзанда, а у самого «носа» – круглое пятно диаметром 7 см, окаймленное серой полосой с желтым заполнением внутри. «Борта» лодки выделялись по серой полосе шириной 2–3 см с прокаленными участками розоватого цвета (рис. 3: 1). Южнее ямы на глубине -189 см зафиксировано серо-желтое пятно с угольками внутри, диаметром 6 см (остатки столба или, более вероятно, корня дерева). После разборки погребения, на уровне -196–198 см на месте могильной ямы наблюдалась полоса ортзанда.

В изголовье, севернее черепа, был расчищен сосуд (рис. 2: 2; рис. 4: 34), в верхней части заполнения которого найдена слегка обугленная сосновая шишка (рис. 2: 2а; рис. 3: 2). При расчистке черепа внутри его найден фрагмент бронзовой бляшки с гравировкой (рис. 2: 29; рис. 4: 18а), а под нижней челюстью – трапециевидная бляшка (рис. 2: 18; рис. 4: 20). На глубинах -193–195 см обнаружены между черепом и сосудом стеклянная бусина с позолотой (рис. 2: 19; рис. 4: 7), а между черепом и северной стенкой могилы (перед лицом погребенного) – скопление мелких вещей на площади 13×8 см, возможно, когда-то завернутых в один сверток (?). Оно включало в себя обломок бляшки или зеркала с гравировкой (рис. 2: 21; рис. 4: 19) в центре,

обломок бронзового зеркала (рис. 2: 3; рис. 4: 17), стеклянный голубоватый бисер (рис. 2: 20; рис. 4: 12) и белую пастовую бусину (рис. 2: 26; рис. 4: 13), рассыпавшуюся при расчистке, к югу от него; две стеклянные бусины с позолотой (рис. 2: 22, 23; рис. 4: 5, 6) и бронзовую пластинку (рис. 2: 24; рис. 4: 29) к северу. Маленький обломок бляшки с процарапанной фигурой антропоморфа (рис. 2: 21; рис. 4: 19) в свою очередь входил в сложный комплекс (рис. 3: 3–5): он лежал на берестяном кружке (рис. 2: 21в; рис. 4: 3) со спиралевидной гравировкой (образ змеи?), под которым были две миниатюрные обугленные деревянные фигурки, похожие на антропоморфов (рис. 2: 21б; рис. 4: 26, 27). Они лежали на ажурной бронзовой бляхе (рис. 2: 21в; рис. 4: 16), к которой были привязаны две небольшие бусины (рис. 2: бисер 21г, д; рис. 4: 10, 11). В основании всей этой «пирамиды» находилась небольшая деревянная плашка, рассыпавшаяся в ходе расчистки (рис. 2: 21е). По-видимому, это скопление вещей было во что-то туго завернуто. Западнее комплекса, на границе ямы, на глубине -190 см лежала маленькая бронзовая пластинка (рис. 2: 5; рассыпалась), в 18 см юго-западнее которой находилась трубчатая кость (предположительно, правая локтевая – рис. 2: Б). Южнее черепа, в области груди и живота, на уровнях -186–190 см расчищены мелкие обугленные плашки и угольки. Здесь же найдена бронзовая пластинка (рис. 2: 8; рис. 4: 33), лежавшая на обломке железного ножа (?) с костяной рукоятью (рис. 2: 8а; рис. 4: 24). В вероятной области таза обнаружены 6 бронзовых пластинок и обломков блях (рис. 2: 7, 9, 25, 25а, 27, 28; рис. 4: 22, 21, 31, 28, 18б), одна из которых (рис. 2: 27; рис. 4: 28) находилась в углистом пятне трапециевидной формы размером 5×4–5 см. В 10 см южнее ее расчищен комплекс (рис. 3: 6), состоявший из двух бронзовых пластинок (рис. 2: 10, 11; рис. 4: 32, 25), трех позолоченных и одной синей стеклянных бусин (рис. 2: 12–15; рис. 4: 2–4, 15) и бисера (рис. 2: 16, 17; рис. 4: 8, 9). Не исключено, что этот комплекс и бронзовые обломки к северу от него были нашиты (прикреплены) на пояс. В предполагаемой области ног погребенного найдены две стеклянные бусины (рис. 2: 4, 6; рис. 4: 1, 41), небольшой камешек (рис. 2: 30) и человеческий зуб (рис. 2: В).

В погребении 8 нет узко датированных изделий, но по количеству положенных вещей это вторая по богатству могила – 38 экз. Среди них 16 экз. бусин и бисера (два экземпляра

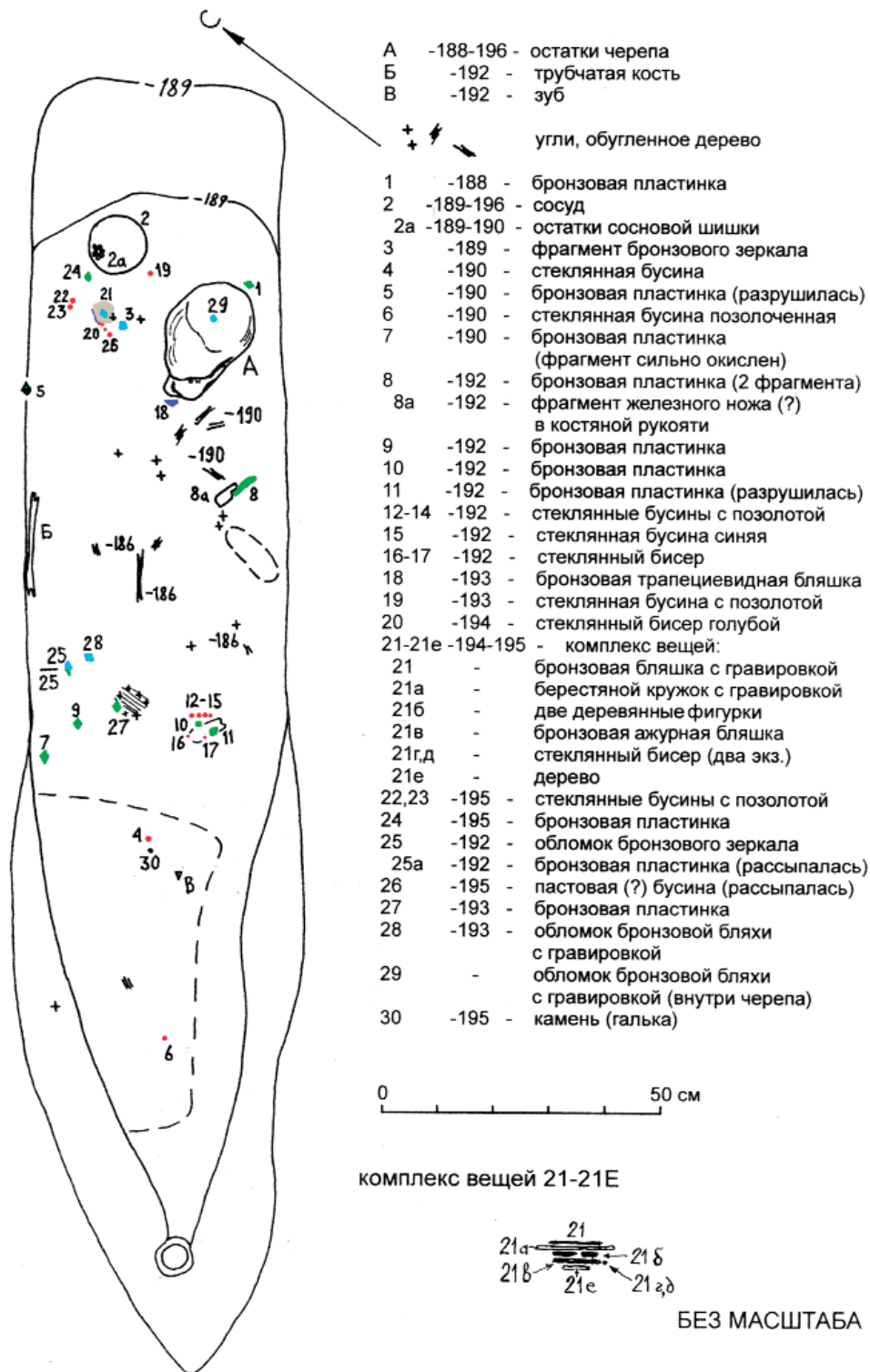

Рис. 2. Погребение 8, план.

Fig. 2. Burial 8, plan.

бисера из шести были прикреплены крученой ниткой к бронзовой ажурной бляхе – рис. 4: 16) и 13–14 мелких обломков бронзовых пластинок и зеркал (блях). На двух фрагментах блях сохранились граффити, процарапанные тонким острием: антропоморфная фигура, прямые и дуговидные линии (рис. 4: 17, 19). Еще на двух обломках зеркала (?), соединяющихся между собой, вырезано ножом (?)

подобие личины (рис. 4: 18). Интересно, что один обломок был найден внутри черепа, а второй – в районе таза. Заманчиво предположить, что обломок внутри черепа когда-то закрывал глаз, но тогда должен быть еще один предмет, для второго глаза, но его не обнаружено.

За 4 года раскопок на селище и могильнике было исследовано 9 погребений. Учитывая,

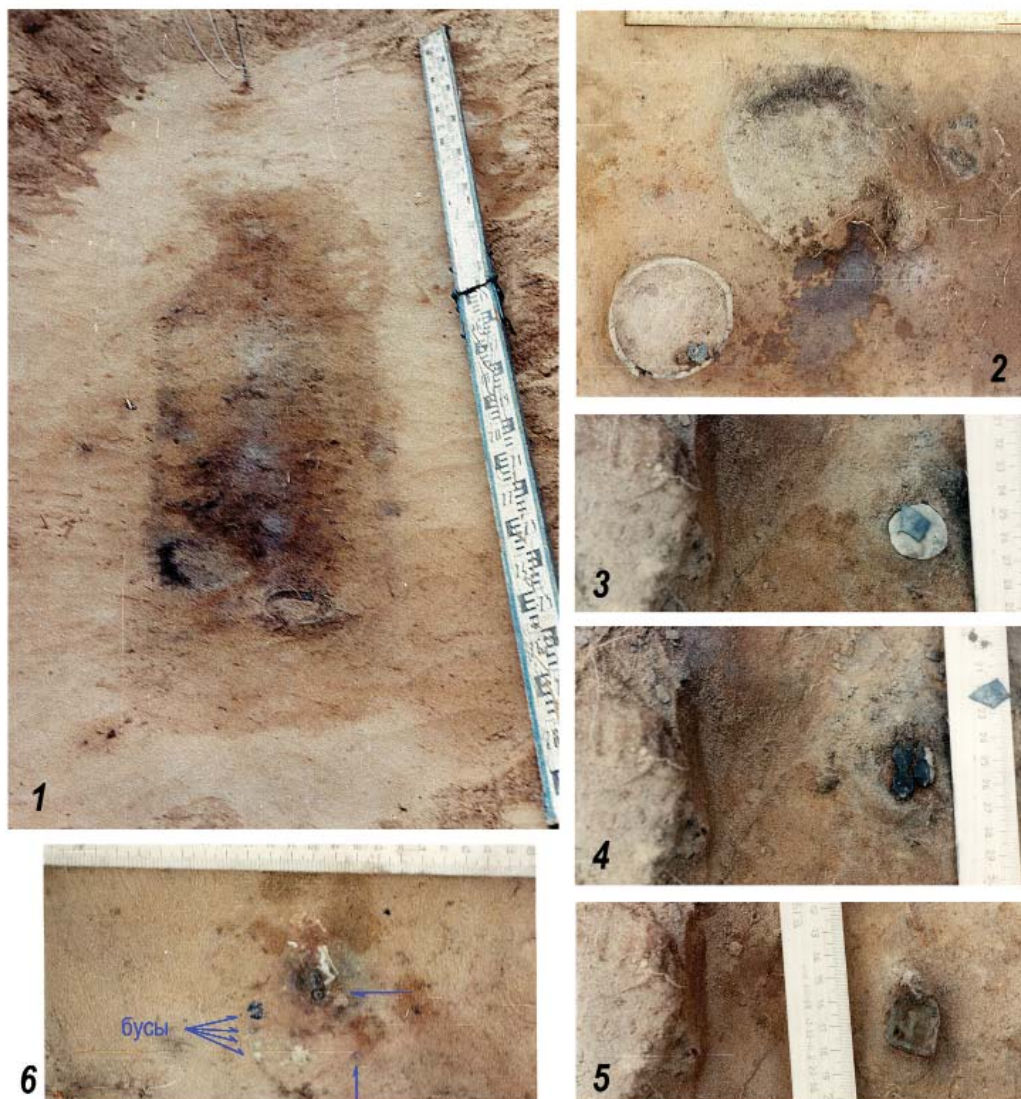

Рис. 3. Погребение 8: 1 – общий вид могилы на гл. –189 см, вид с СВ; 2 – тлен от черепа и сосуд (2) с сосновой шишкой (2а) внутри, вид с СЗ; 3 – комплекс 21 (бронзовая пластинка 21, берестяной кружок 21а) на гл. –194 см, вид с ЮЗ; 4 – комплекс 21 (деревянные фигурки 21б) на гл. –194 см, вид с ЮЗ; 5 – комплекс 21 (ажурная бляха с бисером 21в) на гл. –194 см, вид с ЮЗ; 6 – стеклянные бусы и бисер (12-17), бронзовая пластинка (11) в районе таза, гл. –192 см, вид с СВ.

Fig. 3. Burial 8: 1 – general view of a grave at depth -189 cm, view from the NE; 2 – decayed skull and vessel (2) with a pine cone (2a) inside, view from NW; 3 – complex 21 (bronze plate 21, birch bark circle 21a) at depth -194 cm, view from SW; 4 – complex 21 (wooden figurines 21б) at depth -194 cm, view from SW; 5 – complex 21 (openwork plaque with marbles 21в) at depth -194 cm, view from SW; 6 – glass beads and marbles (12-17), bronze plate (11) in the pelvic area, depth -192 cm, view from NE.

что вокруг них вскрыта большая площадь без захоронений, можно допустить, что могильник раскопан полностью. При этом была выявлена следующая планировка: 6 погребений располагались по дуге с запада на юго-восток, два находились южнее дуги и одно (№ 2) – севернее (рис. 1: Б). Последнее, совершенное во внешней яме кулайского жилища, не содержало ни останков умершего, ни погребального инвентаря и отнесено к могильнику на основании стратиграфии и формы ямы. Размеры могильных ям от 0,95×0,4 до 3,5×1,1 м, глубина от 30 до 70 см. 4 ямы имели

подпрямоугольную со скругленными углами форму, 5 ям (в том числе пустая) по форме напоминали лодку с обрезанной кормой. Скорее всего, в них действительно были погребения в лодках. Интересно, что «лодки», расположенные по дуге, носами обращены в сторону центра воображаемого круга, туда, где был обнаружен открытый очаг. Примерно в ту же сторону «повернут» и нос «лодки», находившейся южнее дуги (рис. 1: Б). В заполнении очага и вокруг него найдены многочисленные черепки от кулайских горшков, а также обломки бронзовых изделий, в

Рис. 4. Погребение 8, инвентарь: 1-15 – бусы, бисер; 16 – ажурная бляха с бисером; 17-19 – обломки блях (зеркал) с гравировками; 20 – подвеска; 21-23, 25, 28, 29, 31-33 – обломки блях, зеркал, пластин; 24 – фрагмент изделия (ножа?) в рукояти; 26-27 – антропоморфные (?) фигурки; 30 – кружок с гравировкой; 34 – сосуд (1-15 – стекло, паста; 16 – бронза, стекло; 17-23, 25, 28, 29, 31-33 – бронза (медь?); 24 – железо, кость; 26-27 – дерево; 30 – береста; 34 – глина). Красные цифры на фото соответствуют номерам вещей на плане погребения (рис. 2).

Fig. 4. Burial 8, grave goods: 1-15 – beads, marbles; 16 – openwork plaque with marbles; 17-19 – fragments of plaques (mirrors) with engravings; 20 – pendant; 21-23, 25, 28, 29, 31-33 – fragments of plaques, mirrors, plates; 24 – fragment of an item (knife?) with a handle; 26-27 – anthropomorphic (?) figurines; 30 – engraved circle; 34 – vessel (1-15 – glass, paste; 16 – bronze, glass; 17-23, 25, 28, 29, 31-33 – bronze (copper?); 24 – iron, bone; 26-27 – wood; 30 – birch bark; 34 – clay). The red numbers in the photo correspond to the numbers of items on the burial plan (Fig. 2).

том числе зеркал. Этот очаг мог быть летним и относиться к селищу, а мог быть связан с могильником. В последнем случае очаг отражает какой-то обряд, входивший в погребальный ритуал. Фрагменты сосудов вокруг него могут быть следами тризны. Обломки зеркал

с валиком по краю, аналогичные происходящим из очага, обнаружены в погребениях 3 и 6.

По богатству погребального инвентаря выделяются могилы 6 и 8, где расчищено более 56 и 38 мелких предметов, включая

бусы и культовое литье, часть из которого была завернута в бересту или находилась в своего рода берестяных сумочках. Погребальный инвентарь состоял из бус, бронзовых и серебряных пластинок, пронизок, подвесок, фрагментов зеркал, в том числе с гравировками, культового литья. Антропоморфные, зооморфные и птицевидные фигурки присутствовали в трех могилах. На 11 артефактах (бронзовых пластинках или обломках блях/зеркал) из трех могил были нанесены гравировки (из них на семи – в виде геометрических фигур или линий). В 4 погребениях найдены железные ножи или их фрагменты. В 6 могилах обнаружены бусы, в стольких же – украшения (пронизки, подвески). И в большинстве погребений были мелкие фрагменты пластин, блях и зеркал из бронзы (меди). Их размеры и количество означает, что они или замещали целые вещи (что понятно при дефиците цветного металла на Севере), или несли какую-то символическую функцию. На некоторых обломках, в том числе очень мелких, были нанесены граффити. К.Г. Карачаровым было высказано предположение, что обилие обломков и обрезков медных и бронзовых вещей в богатых кулайских погребениях вызывает ассоциации с примитивной денежной системой (Карачаров, 2017, с. 102).

Датирующих вещей в могильнике не найдено. Ясно, что он возник после того, как было заброшено кулайское жилище 5 – одна из могил находилась в его внешней яме. Среди посуды, найденной в жилище, преобладали емкости котловидной формы с профилированным плечиком, ярко выраженным внутренним карнизиком на венчике, нередко украшенном горизонтальными оттисками гребенчатого или змейковидного штампа. Орнамент на внешней поверхности насыщенный, плотный, часто переходящий с плечика на верхнюю часть тулова (Чемякин, 2008, рис. 77: 1–6, 11). Обломки таких же горшков были вокруг открытого очага в центре могильника. Подобные сосуды характерны для поздней стадии кулайской культуры Сургутского Приобья и сравнимы с горшками 6 и 7 групп саровского этапа в Нарымском Приобье (по Л.А. Чиндиной, 1984). Рядом с погребением 5 найден сосуд, украшенный штампами в виде уточки, змейки и двучленным, близкий ярсалинским (Чемякин, 2008, рис. 85: 4). Все это позволяет предполагать, что могильник существовал в начале I тыс. н. э. Форма и орнаментация сосудов из самих погребений типичны для ранней стадии кулайской культуры Сургут-

ского Приобья, однако известно, что в погребения нередко помещалась посуда архаичных форм. Бусы и обломки зеркал имеют широкую дату.

Сравнение Барсовского VII могильника с другими кулайскими погребальными комплексами Сургутского Приобья и сопредельных территорий показывает его своеобразие. Оно заключается, в том числе, в большом количестве культового литья среди погребального инвентаря – в трех могилах найдено 18 бронзовых фигурок. На 11 предметах были нанесены гравировки. Оригинальной чертой являются захоронения в лодках. К.Г. Карачаров и А.П. Зыков отмечают подобные погребения на севере Западной Сибири только на кинтусовском и сайгатинском этапах (Чемякин, Карачаров, 2002, с. 58, 64; Зыков, 2012, с. 95, 104) обь-иртышской культурно-исторической общности (нижнеобской культуры).

В Сургутском Приобье мне известны 7 могильников и одиночных погребений. В трех из них – Барсовском III, Агрнъёган и Нивагальское 34 – исследованы богатые погребения, содержавшие оружие, украшения, культовое литье и принадлежавшие, по мнению исследователей, представителям знати, богатырям (Борзунов, Зыков, 2003; Карачаров, Носкова, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006; Карачаров, 2011; он же, 2017). В этих могильниках выявлены 1–3 погребения. К этой же группе памятников относят и т. н. Холмогорскую коллекцию (Зыков, Федорова, 2001). В таких погребениях присутствуют вещи, названные Н.В. Федоровой «статусными», отражающими высокий статус умерших (Федорова, 2019). Второе погребение на Барсовском III могильнике авторы раскопок называют бедным, но стоит отметить, что в нем была найдена орнитоморфная фигурка (Борзунов, Зыков, 2003, с. 105, рис. 8–7). Если не считать «богатых» захоронений со статусными вещами, то культовые отливки достаточно редко встречаются среди погребального инвентаря. Они есть в погребении, предположительно шамана, на городище Барсов городок I/20 (Бельтикова, 2008). За пределами Сургутского Приобья изображение медведя было найдено в кулайском погребении на Усть-Киндинском могильнике (Чиндина, Терехин, 1992). Две фигурки обнаружены в могильнике Каменный Мыс, причем одна из них – в насыпи кургана (Троицкая, 1979, с. 14, табл. XIII – I, 3). Таким образом, Барсовский VII могильник резко выделяется среди кулайских погребальных комплексов обилием культового литья, нередко помещен-

ного в берестяные «сумочки» или свертки. Если учесть еще, что минимум пять умерших были предположительно похоронены в лодках, то напрашивается вывод об особом статусе погребенных. Буквально в 170 м к юго-западу от могильника находилось погребение шамана (?) на городище Барсов городок I/20. Не исключено, что и Барсовский VII могильник представлял собой место захоронения людей особого социального статуса, связанного с культовой деятельностью (шаманов).

На противоположном от Барсовой горы берегу Оби, практически напротив нее, был исследован кулайский могильник Сырой Аган 13, на котором вскрыто около 20 погребений (Баранов, 2008). Погребальный инвентарь в нем представлен немногочисленными украшениями, в том числе серебряными височными кольцами, фрагментами изделий из цвет-

ного и черного (ножи) металла, обломками шести сосудов и неорнаментированной керамикой. Полностью отсутствуют как статусные изделия, так и культовое литье. Можно допустить, что в могильнике похоронены преимущественно рядовые общинники.

Крупные перемены, происходившие в таежном обществе Западной Сибири на кулайском этапе раннего железного века, отмечают практически все исследователи. Они затронули социальную структуру, экономику, торговые связи и т. д. Разнообразие погребального обряда, фиксирующееся в кулайских могильниках Сургутского Приобья, отражает социальную и имущественную дифференциацию общества. Какие-то черты этого обряда, вероятно, связаны и с половозрастными различиями, но последние, из-за плохой сохранности костных остатков, пока практически не поддаются анализу.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов М.Ю. Могильник кулайской культуры Сырой Аган 13 в Сургутском Приобье // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 219–238.

Бельтикова Г.В. Погребение кулайской культуры на городище Барсов городок I/20 // Барсова Гора: древности таежного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 24–27.

Борзунов В.А., Зыков А.П. Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох / Ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. С. 103–112.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 176 с.

Карачаров К.Г. Комплекс предметов раннего железного века, найденный у городища Нивагальское 20 на р. Агане // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9 / Отв. ред. А.Я. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 82–110.

Карачаров К.Г. Погребение 1 могильника кулайской культуры Нивагальское 34 // Археология и история Северо-Западной Сибири / Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Вып. VI. / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Нефтеюганск; Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2017. С. 88–102.

Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Исследования в Нижневартовском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 3 / Отв. ред. Я.А. Яковлев. Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 179–184.

Кернер В.Ф. Отчет о разведке археологических памятников в районе Барсовой горы (Сургутский район, Тюменская область) в 1974 году. Свердловск, 1975 / Архив ИА РАН. Р-1, № 5562.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия "ГРАФО", 2006. 352 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Федорова Н.В. Статусные украшения и принадлежности костюма: история формирования (север Западной Сибири) // V Северный археологический конгресс (11-14 декабря 2019, Ханты-Мансийск) / Отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург–Ханты-Мансийск: Изд-во ООО Универсальная типография «Альфа-Принт», 2019. С. 199–201.

Челякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Челякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., исправ. и доп. Екатеринбург: Тезис, 2002. С. 5–74.

Чемякин Ю.П., Степанова Г.А. Новый стратифицированный памятник раннего железного века на Барсовой горе // Сургут. Сибирь. Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию г. Сургута: тез. докл. (22–25 марта 1994). Екатеринбург, 1994. С. 215–219.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. 256 с.

Чиндина Л.А., Терехин С.А. О кулайском комплексе на Усть-Киндинском курганном могильнике // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ, 1992. С. 61–65.

Информация об авторе:

Чемякин Юрий Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия); yury-che@yandex.ru

REFERENCES

Baranov, M. Yu. 2008. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia (Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region)*. Yekaterinburg; Surgut, 219–238 (in Russian).

Beltikova, G. V. 2008. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ia (Barsova Gora: Antiquities of the Taiga Ob Region)*. Yekaterinburg; Surgut, 24–27 (in Russian).

Borzunov, V. A., Zыkov, A. P. 2003. In Chairkina, N. M. (ed.). *Obrazy i sakral'noe prostranstvo drevnikh epokh (Images and Sacred Space of Ancient Eras)*. Yekaterinburg: "Akva-Press" Publ., 103–112 (in Russian).

Zыkov, A. P., Fedorova, N. V. 2001. *Kholmogorskii klad: kolleksiia drevnostei III–IV vv. iz sobraniia Surgutskogo khudozhestvennogo muzeia (Kholmogorsk Hoard: a Collection of Antiquities of the 3rd–4th Centuries from the Fund of the Surgut Art Museum)*. Yekaterinburg "Sokrat" Publ. (in Russian).

Karacharov, K. G. 2011. In Yakovlev, Ya. A. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (9). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 82–110 (in Russian).

Karacharov, K. G. 2017. In Trufanov, A. Ya. (ed.). *Arkheologiya i istoriya Severo-Zapadnoi Sibiri (Archaeology and History of Northwestern Siberia)*. Series: Materialy i issledovaniia po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri (Materials and Studies on the History of Northwestern Siberia) 6. Nefteyugansk; Yekaterinburg: "Uralskii rabochii" Publ., 88–102 (in Russian).

Karacharov, K. G., Noskova, L. V. 2006. In Yakovlev, Ya. A. (ed.). *Khanty-Mansiyskiy avtonomniy okrug v zerkale proshlogo (Khanty-Mansi Autonomous Area in the Mirror of the Past)* (3). Tomsk; Khanty-Mansiysk: Tomsk State University, 179–184 (in Russian).

Kerner, V. F. 1975. *Otchet o razvedke arkheologicheskikh pamiatnikov v raione Barsovoi gory (Surgutskii rajon, Tyumenskaia oblast') v 1974 godu (Report on the Exploration of Archaeological Sites in the Barsovaya Gora Area (Surgutsky District, Tyumen Oblast) in 1974.)*. Sverdlovsk. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R-1, dossier 5562 (in Russian).

Perevalova, E. V., Karacharov, K. G. 2006. *Reka Agan i ee obitateli (Agan River and its Inhabitants)*. Yekaterinburg; Nizhnevartorsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Troitskaya, T. N. 1979. *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Kulayka Culture in the Novosibirsk Ob Region)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Fedorova, N. V. 2019. In Chairkina, N. M. (ed.). *V Severnyi arkheologicheskii kongress (11–14 dekabria 2019, Khanty-Mansiysk) (5th North Archaeological Congress (December, 11–14, 2019. Khanty-Mansiysk)*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: "Alfa-Print" Publ., 199–201 (in Russian).

Chemyakin, Yu. P. 2008. *Barsova Gora: Ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ya. Drevnost' (Barsova Gora: Essays on the Archaeology of the Surgut Ob region. Antiquity)*. Surgut; Omsk: "Omsk House of Press" Publ. (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Karacharov, K. G. 2002. In *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepol'zovaniia khantov (Essays on the History of Traditional Land Use of the Khanty)*. Yekaterinburg: "Tezis" Publ., 5–74 (in Russian).

Chindina, L. A., Terekhin, S. A. 1992. In Chindina, L. A. (ed.). *Novoe v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka (Recent studie in the Archaeology of Siberia and the Far East)*. Tomsk: Tomsk State University, 61–65 (in Russian).

Chindina, L. A. 1984. *Drevniaia istoriya Srednego Priob'ia v epokhu zheleza. Kulayskaia kul'tura (Ancient History of the Middle Ob River Basin in the Iron Age. The Kulayka Culture)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Chemyakin, Yu. P., Stepanova, G. A. 1994. In *Surgut. Sibir'. Rossiia. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia, posviashchennaia. 400-letiiu g. Surguta (22–25 marta 1994) (Surgut. Siberia. Russia.*

International Scientific and Practical Conference dedicated to the 400th Anniversary of the City of Surgut (March 22-25, 1994). Yekaterinburg, 215–219 (in Russian).

About the Author:

Chemyakin Yury P., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ural State Pedagogical University. Kosvonavtov Str., 26, Ekaterinburg, 620091, Russian Federation; yury-che@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2022 г.
Статья принята к публикации 01.04.2022 г.